

Вращая огромным, сверкающим биргризенем, Хабаун влетел между двух особо толстых и узловатых деревьев. Бритвенно оточенное лезвие скользнуло по изрезанной древесными морщинами коре, срезало длинную спиралевидную стружку и пошло дальше, но уже с выгибом, перекрутом, так, что Хабаун даже заскрежетал зубами от боли – правую кисть выворачивало по всем правилам буравчика; но выпускать оружие было нельзя – зеленорогие наседали, и даже сей маневр был предпринят лишь с целью – уклониться, уйти от расправы, которая пыталась дотянуться до него на той стороне бурелома.

Да, здесь было очень *буреломно!*

Экспедиционный отряд давным-давно рассыпался, распался на части, и сейчас, вспоминая об этом, Гибон покатал в ментальных ладонях слово «распад». Слово – весомое, крепкое и то, что выпало на долю отряда, – в полной мере укладывалось в рамки этого понятия: от некогда единого целого цепкие когти хаоса выцарапывали по частичке и крупиночке, пока, в конце концов, отношения между людьми не зазмеились трещинами, после чего хватило нескольких увесистых ударов судьбы, чтобы разметать их в разные стороны.

Вот и получилось так, что сейчас – вместо надёжной спины кого-нибудь из ребят, за ним была только мохнатая глыба – гигантский валун, покрытый древним мхом. Со всех сторон к нему придвигались зеленорожие, скалили зубы, поигрывали длинными костяными кинжалами.

-Шарраш! – прошипел самый наглый, и Гибон без лишних раздумий обрушил на его приплюснутую змееподобную голову свой цеп. Ощущение было такое, будто массивный металлический стержень вошёл в нечто трухлявое, податливое. Так и было – голова гоблина разделась на несколько частей, истекающих соками жизни.

Остальное – дело времени. Гибон прыгнул навстречу смерти, но и в этот раз она отошла в сторону. Продравшись через опадающие тела сиюминутных преследователей, он вырвался на небольшую полянку, со всех сторон стиснутую изломанными стволами чёрных деревьев.

Хруст ломаемых сучьев ещё стоял в ушах, дыхание сбивалось, застревая где-то между вдохом и выдохом, грудь ходила ходуном, а лицо покрывала пренеприятнейшая смесь испарины, паутины и мёртвых окукленных насекомых.

-Так- так... - сказал Гибон, заметив лаз, обложенный красным пупырчатым камнем. То, что он располагался строго в центре полянки, наводило на интересные размышления.

В Старом Туине были и подземелья, и катакомбы. Вероятно, существовало множество подземных магистралей, выводящих за пределы города. Если этот лаз – один из них, то...

Ещё одна цепь зеленорогих сомкнулась где-то поблизости. Вновь Гибон услышал барабанный бой и крики гоблинов, поминутно срывающиеся на полоумный, душераздирающий визг. Кольцо окружения сжималось, и эти головоногие моллюски сумели организовать охоту по всем правилам дурного тона. Гибон взболтнул цеп – тот послушно вскинулся, словно огромный чёрный фаллос, блестящий от окропившей его жидкости.

Да-а-а... Две цепи удалось разорвать – гоблины прочёсывали лес большими, но растянутыми группами. Гибону повезло – он наткнулся на авангард облавы. Там не

было воинов – так, гончие, ищейки, скороходы-крикуны. С этими проблем не возникло, но кто идёт вослед за ними?

Било било в обтянутую кожей бочку. Где-то очень близко. Гибон приблизился к чёрнеющей пасти лаза и, опустившись на колени, осторожно заглянул вниз.

Его взгляд проглотила плотная и вязкая темнота. Оттуда тянуло прохладной сыростью, в толще красного камня просматривались редкие ступени.

Он извлёк из поясного клапана маленький пузырёк с голубоватой жидкостью. Как всегда, кстати. Барабан пророкотал совсем рядом, сухие ветви стали трещать под чьей-то тяжелой и неумолимой поступью и вот между деревьев показались зеленорогие морды. Не тратя ни секунды на любопытство – Гибон вскинул руку с маленьким семизарядным арбалетом и спустил курок. Маленькие болты-шестигранники с тугим свистом пронзили воздух. Лес тут же наполнился воплями, и Гибон вспомнил родную деревенскую улицу; как разом заливаются лаем все собаки, стоит одной из них начать брехать. Странное совпадение в том, что гоблины ведут себя подобным образом – положил наземь двух-трёх, а всполошилась целая стая.

Безошибочно Гибон определил расположение вражеских сил – они были повсюду, поэтому ход под землю оставался последним, единственно возможным выходом. Игла сомнения кольнула его, но Гибон живо вспомнил массивные и мясистые хари, сглотнувшие по болту несколько мгновений назад, и понял, что безарбалетное выяснение добром для него не кончится. Эти парни были куда тяжелее тех задохликов, которых он шутя раскидал у валуна. То, что они так быстро и легко упали, конечно, говорило в пользу меткости выстрелов; гораздо более сомнительной выглядела мысль о хлипкости их черепных костей или общей, видовой генетической деформации.

Нет. Ребята были *что надо*. В их руках успели блеснуть какие-то длинные и серьёзные металлические штуковины, чего доброго – метаемые, иль чего похуже: пружинные выкидные лезвия, например.

Сколько было таких парней, выкидных лезвий и штуковин вокруг него в эту минуту? Об этом Гибон старался не думать. Вместо этого он встряхнул пузырёк с голубоватой жидкостью, и тот вспыхнул мягким и лучистым огнём. Держа его в правой руке, Гибон наклонился над лазом и осветил перед собой. Ступени уходили под землю.

-ГАГГАР! – крикнули прямо над ухом. Гибон кувыркнулся вперёд, краем глаза, исподволь-искоса, успевая заметить следующего верзилу, который, выпучив глаза от натуги, опускал огромную секиру туда, где только что покоилось любимое и родное тело.

От страха, что сейчас этот тесачище для разделки неизвестных туш может полоснуть его по ногам, висевшим бессмысленными обрубками где-то далеко позади от летящего и парящего тела, у Гибона пренеприятнейшем образом скрутило живот, но всё что ему удалось сделать, – это немного поджать пальцы на ногах.

Пронесло. Гибону померещилось, будто что-то холодное и твердое нежно огладило подошвы сапог. Но вся совокупность его органов и систем, к счастью, оказалась быстрее, чем другая совокупность иных органов, сейчас выдергивающая огромное воронёное лезвие из раскроенного надвое каменного блока. Падая в лаз, он успел сгруппироваться, что было вовремя – всем махом он тарарохнулся об острые грани ступеней, покатился вниз, еле поспевая прикрывать руками голову. Заплечный мешок уберечь не удалось: почти сразу же Гибон упал на спину и явственно расслышал, как в мешке что-то хрустнуло и зазвенело осколками. Цеп был надёжно приторочен к поясу, что явилось причиной нескольких болезненных ударов по ногам. Наконец, беспредельное низвержение во мрак закончилось.

Посчитав копчиком ещё несколько ступеней, распластанный Гибон замер на ступенях.

В крепко сжатом правом кулаке по-прежнему светился пузырёк со светящейся жидкостью, и, приподнимаясь, кряхтя от боли во всём теле, Гибон посветил вокруг себя. Ступени продолжали уходить вниз. Интересно, как скоро зеленорогая скотина полезет за ним? Но вокруг царила тишина. Гибон решил выждать. Спускаться ниже – не имело смысла, припасы были на исходе, количество светящейся жидкости также оставляло желать лучшего, да и почём знать: что скрывается в глубине? Если солнечный лес населён такой пакостью, то, что говорить о сырых и тёмных подземелиях?

Сидя на холодном камне, Гибон обдумывал сложившееся положение. С полным правом можно было утверждать, что экспедиция, предпринятая к Старому Туину, провалилась. Стоило отряду войти в лес, как уже спустя несколько часов им пришлось держать бой с превосходящими силами противника. Общий хаос и неразбериха схватки привели к тому, что отряд разделился на несколько малых групп, которых увлекало в разные стороны течение боя. В конце концов, это стало походить на прорыв из окружения, который становится возможным и оправданным только в том случае, когда плотные заслоны вражеских сил могут быть преодолены только при условии разделения одной большой группы на множество малых. Гибон выходил с Хабауном, но в очередной стычке Хабаун слишком размахнулся своим тяжеловесом-двуручником, отнюдь не предназначенным для ближнего боя, итогом чего стало вступление в такой густой бурелом, где Хабаун уже не смог полноценно косить подступающих зеленорогих. Пока он выдергивал биргрисен из очередной распанаханной сосенки – Гибона отжали при помощи длинных костяных копий, которые приходилось перешибать цепом, тем самым отвлекаясь от насущной помощи своему напарнику.

Зеленорогие действовали грамотно и умело. Вскоре Гибон уже потерял из виду Хабауна, и только слышал затихающий мат-перемат да раздающиеся время от времени глухие удары металла о дерево. Ему, в свою очередь, пришлось драться на пределе возможностей – зеленорогие давили числом, а не умением. Впрочем, это позволяло вновь и вновь выскальзывать из железных когтей окружения. Иногда ему удавалось проходить сквозь цепь – убивая несчастных, оказавшихся слишком близко, он бросался в образовавшийся «пролом» и уходил в тыл наступающим. Пока они перекрикивались и разбирались, что к чему, – он уже был далеко. Проблемой было то, что лес оказался наводнён целой армией этих выродков. Порою Гибону казалось, что он забрался в самую гущу войск противника: они были со всех сторон. Очень часто его жизнь повисала на волоске – снося голову очередному горю-рядовому, он слышал тревожные крики раньше, чем успевал перекатиться в заросли кустарника. Один раз его даже попытались достать стрелами – ему повезло, на голой интуиции он придержал себя от того, чтобы лезть в пышный букет лопухов. И – вовремя. Через несколько секунд поблизости показалась целая порция взбешённых зеленорогих, которые без долгих раздумий разрядили свои тугие длинные луки туда, где только что могло бы навеки упокоиться его тело.

Да... Зеленорогие были взволнованы. Каждый новый убитый выглядел озлобленным и подавленным одновременно. В их приплюснутых, желтоватых глазах успевало мелькнуть лишь внезапное сожаление, когда Гибон, вращая цепом, выпрыгивал им навстречу.

Лес рокотал от боя барабанов, тугим гулом озывались бубны, взрывались пронзительным звоном гонги. Волнами прокатывались дикие, звериные вопли, порою с треском-хрустом падало какое-то дерево, иногда кричали от настоящей боли, но кто был её прародителем – это оставалось для Гибона загадкой. В иную

минуту у него хватало времени на то, чтобы, припав к земле в густой траве, подумать о своих товарищах и понадеяться на то, что они где-то близко, также вносят ужас и сумятицу в ряды гоблинов. Но надежда кого-нибудь встретить истаивала по мере того, как Гибон углублялся в лес. Несмотря на то, что карта осталась у Баццони, Гибону казалось, что он держится направления к Старому Туину. Но продолжительные «кошки-мышки» с гоблинами, в ходе которых пришлось сделать несколько многомильных кругов, могли значительно отклонить его маршрут к северу!

Всем известно, что в этом лесу после разрушения Туина расплодились гоблины, но никто и помыслить не мог о том, что их будет здесь настолько много! Ребятам из отряда казалось, что они основательно подготовились: вооружение, экипировка, припасы. Крепкие и проверенные бойцы - сплочённые части боевого организма, не единожды испытанного в опаснейших и рискованных операциях. Пройти через этот лес – раз плюнуть. Так представлялось, когда они проверяли последние мелочи перед выходом из Нового Туина. Пронзить его, как раскалённая стрела, - и напрямик выйти к Старому городу. Не было сомнений в том, что они будут в Старом Туине, самое позднее, к ночи, но уже темнело, а Хабаун ломился через сухие ветви, один-одинёшенек, не имея никакого представления о том, где он находится и куда подевалось ещё семь человек из отряда.

От зелёной нечисти удалось откреститься поперечными взмахами биргризена. Такая комбинация ударов действовала особенно убедительно на нечувствительных гоблинов, и к скорому времени Хабауна оставили в покое. Теперь ему предстояло разобраться, где он находится, или, на худой конец, попытаться отыскать мало-мальски подходящий ночлег. К сожалению – вся «снаряга» осталась где-то позади: вероятнее всего, на месте первой стычки. Ну, конечно! Стоило им сделать первый привал, скинуть вещевые мешки, отстегнуть пояса и снять колчаны, как из леса, словно по команде, хлынули зелёные. Хабаун улыбнулся, вспомнив о том, как Айрин моментально вскинула лук и выпустила пять стрел, одну за одной, и Винтор, забыв обо всём, ринулся вперёд, раскручивая две тяжёлые палицы; с тихим свистом пронзили воздух сюрикены Лина, а несколько зеленорогих будто споткнулись, врезались в невидимую преграду, после чего попадали обмякшими, тряпичными куклами. Поначалу всю эту зеленую биомассу удавалось держать на расстоянии, чему способствовали Айрин и Гибон со своим многозарядным арбалетом, но гоблины набегали волна за волной, словно мутный и холодный прибой.

Их ряды дробились, рассыпались, но постепенно заполняли всё вокруг. Вот уже Винтор остановился на месте, подобный непоколебимому камню, вокруг которого закрутились течения из зелёных тел.

Волны наступающих гоблинов бросались на него, чтобы отхлынуть, набрать силы и вновь обрушиться, разбиться о его палицы кровавыми брызгами...

Айрин извлекла из ножен длинный и тонкий серебристый клинок, и гранёная сталь запела, засверкала в танце её рук. Лин перестал метать сюрикены, дротики и плевать отравленными иглами. Какое-то время Хабаун пытался прорубаться сквозьседающих со всех сторон гоблинов, но вскоре рядом с ним остался только залитый чужой кровью, механично работающий цепом Гибон.

Их теснили в глубь леса, всё дальше от той полянки, где осталось снаряжение и припасы. Взять что-либо с собой было невозможно – руки Хабауна всё это время были заняты рукояткой биргризена. Теснота закончилась бегством, Хабаун потерял Гибона из виду, а совсем скоро заблудился окончательно.

Гибон выждал некоторое время, не уходя далеко от места приземления. Тишина, ничем не прерванная, по-прежнему разливалась вокруг. Раздумывая над тем, куда податься, он потратил некоторое время. Выхода не было: ползти под землю бессмысленно и опасно, а идти назад – значит, вновь приготовиться к прорыву с цепом в руках.

Он поднялся, и, пригибаясь, стал подниматься вверх. Впереди забрезжил свет. Уже знакомый ход открылся прекрасным окном в знакомый и родной мир: синее небо распахивалось навстречу.

Он прислушался. На полянке было тихо. Гибон выглянул из своего укрытия. Пусто. Зеленорогие затаились или ушли. Выждав ещё некоторое время, Гибон выбрался из лаза и улыбнулся своей удаче: вернуться в лес было гораздо приятнее, чем уходить глубоко под землю.

Деревья стали редеть, всё меньше растительности путалось под ногами. Споткнувшись обо что-то острое, Хабаун наклонился и поднял увесистый обломок кирпича. Битый камень попадался всё чаще, кирпичными осколками была засыпана земля, вскоре под ногами захрустело, и Хабаун понял, что где-то поблизости находится человеческое жильё, а точнее, то, что от него осталось. Осколки неспроста усеяли лес – их разбросало мощным взрывом?

Направление было выбрано правильно: деревья раступились, и Хабаун вышел к обломкам крепостной стены. Расколота на несколько огромных фрагментов, она, тем не менее, сохранила первоначальный вид. Впечатление было такое, будто кто-то огромным кулаком ударил в монолитную, накрепчайшую конструкцию. Удар был страшен: стена раскололась и нижней частью своей вошла в землю – верхний пояс раскрошился и осыпался.

Хабаун осмотрелся по сторонам, но живых или мёртвых поблизости не было.

Старый Туин! Глядя на огромные и прочные стены, резной камень, витиеватый орнамент и дивную лепнину, Хабаун отметил про себя, что так сейчас уже не строят. Он пошёл вдоль накренившейся стены, оглаживая шероховатый камень, то и дело поднимая голову вверх. Первоначальный замысел пробираться внутрь через трещины в стене был отброшен, ввиду невозможности его осуществления. Трещины, длинные, изломанные, оставались слишком узкими для такого крупного воина.

Где же остальные?

Хабаун прислушался, но лес по-прежнему молчал.

Как вдруг из-за деревьев показался Гибон.

-А вот и ты! Куда только запропастился?

-Я тебя хотел об этом спросить.

-Ну, знаешь... пока я сдерживал десяток «зелёных», ты занимался неизвестно чем!

-Э-э, погоди-ка! Мне кажется, что всё обстояло с точностью наоборот – мой биргризен не успевал просыхать от крови, и всё это время я надеялся, что ты будешь где-нибудь поблизости. Каково...

-.. же было МОЁ удивление, - продолжил Гибон, - когда, стряхнув последнее тело, я увидел в буреломе вытоптаный тобою тракт! Ты пёр напролом, как тяжёлая землеройная машина гномов! Я спросил себя: и куда это направился мой друг?

Хабаун хмыкнул и почесал затылок.

-На той полянке было маловато простора для моего биргризена, - виновато проворчал он. – Я решил попробовать разный замах в другом месте.

-Ты оставил за собою такую тропу, что я без труда догнал тебя. – Хвала небесам, что в армии зеленорогих не отыскалось опытного следопыта-чернокнижника!

-Что это за напасть такая? Откуда в этом лесу несчётные полчища этих тварей? – спросил Хабаун, трогая носком сапога обломок розоватого истрийского мрамора.

Гибон присел на глыбу побольше и устало вытянул ноги.

-Не знаю, не знаю. Я предполагал, что в лесу будут небольшие группы гоблинов, но чтобы целая армия... Кстати, ты обратил внимание, насколько они дисциплинированы и организованы? Мне пришлось побегать от них, и это было немногим легче того, памятного нам всем, -сафари в Южных болотах. Помнишь, как мы восемь суток бегали от разъярённых гидрозёб, а всё потому, что Хуан забыл нужное заклинание!

Хабаун хохотнул.

- А ты, видимо, славно побегал? – спросил он.

-А что прикажешь? Они бы задавили меня числом. Так они хлипкие ребята, но когда идёт пять-шесть цепей, в каждой из которых тридцать-сорок таких туловищ... К тому же, я пару раз натыкался на их лучников. Стрелы у них, конечно легче и тоньше, чем те же гвардейские, но когда ими щедро посыпают каждый шевельнувшийся кустик! Не-е... Так мы не договаривались. Да сюда нужно два бронированных легиона! Как минимум!

-Но мы уже на месте, - осторожно заметил Хабаун.

Гибон окинул хмурым взором, неприветливые руины.

-Вижу. Если это Старый Туин, то мы, вероятно, у западной стены. Надо обойти её вон с той стороны, и тогда мы выйдем к воротам.

-Пойдём, что ли?

-Пойдём, - просто и спокойно ответил Гибон.